

Трагедия под мостом

ной поездкой он был в гостях у меня со своим другом-медиком. Увидев иконы на стене и узнав, что я верю в Бога в это атеистическое время, он очень удивился и попытался переубедить меня привычными фразами о полётах в космос, о научном прогрессе. Но я быстро закрыла щепетильную тему.

Вновь мы пересеклись после трагедии. Печать переживаний на его лице была настолько свежа, что я не знала, как начать беседу. Из его рассказа я поняла, какой ужас он перенёс, как переживает случившееся. Сказал, что началось следствие и предстоит суд в Ростове-на-Дону, и не один. Погибшие – в основном ростовчане, шахтёры. Ивана пытались обвинить в превышении скорости на пять километров в час, однако это была допустимая величина, и в итоге Иван был оправдан.

То ли стечение обстоятельств, то ли промысел Божий – ехать на эту точку графика выпало именно Ивану, хотя по расписанию должен был отправиться из Ульяновска-Центрального пассажирский дополнительный поезд, но по какой-то причине он опаздывал. Дежурный по станции запросил у машиниста грузового поезда с разрядным грузом о готовности к отправлению, но тот ответил, что осмотрщики вагонов обнаружили неисправность ходовой части, связанную с композиционными колодками у подвижного состава. Дефицит свободных путей в тот экстремальный момент был колоссальный. На подходах с четырёх направлений стояли в ожидании приёма несколько поездов. В 1980-е годы объём перевозок был невообразимо огромным. Железнодорожники, особенно движенцы, всегда проявляли твёрдую волю, смекалку, терпение и опыт и умели найти выход из любого положения.

Иван рассказал мне, как всё происходило.

Дежурный по станции сделал следующий запрос по радиации: «Сборный №3702, Щипцов готов

к отправлению?» – «Готов» – «Открываю выходной светофор. Поехали».

Переведённые стрелки по установленному маршруту превратили рельсы в сплошные, неразрывные, блестящие ленты, покрытые серебром. Запрещающее показание светофора сменилось на разрешающее.

«Я привёл в движение состав поезда, предварительно повторив команду согласно регламенту переговоров, и за спиной, постепенно набирая скорость, застучали колёса пятидесяти трёх вагонов общим весом три тысячи триста тонн. Давно известная и привычная мелодия... Подъезжая к волжскому мосту со скоростью семьдесят километров в час, мы с помощником увидели подплывающий теплоход. Верхняя палуба была буквально заполнена отдыхающими. Всегда было интересно смотреть в подобных случаях сверху вниз на счастливые лица отдыхающих и завидовать им белой завистью. Но тут я ощутил, что еду, словно по большим кочкам, как бы слегка подпрыгивая. Посмотрел вперёд на рельсы, а они извиваются, как змея. Вдруг – сильный толчок, и нас словно откинуло на внушительное расстояние, затем резкая остановка. Молниеносная мысль: сработали тормоза. Посмотрел из окна на состояние поезда. Оказалось, что мы с помощником на ведущей половине тепловоза, а вторая, ведомая – на мосту с вагонами. Произошла расцепка и, как следствие, экстренное торможение. Доложил, как положено, диспетчеру и вернулся назад на допустимое, безопасное расстояние. Ну а дальше зрелище не для слабонервных... 11 вагонов, сошедших с рельсов, загроздили пространству моста до самого верха».

Иван замолчал... После паузы, извиняясь, сказал, что дал расписку о неразглашении произошедшей трагедии и её последствий сроком на 50 лет. На этом беседа закончилась.